

Окончание. Начало — на стр. 1

ПРОСТОЙ ПРИМЕР: Латвия намерена принять закон, запрещающий русский язык на рабочем месте. Звучит почти невинно, вот только врачи, пожарные, полицейские, отказывающиеся разговаривать с вами на вашем языке — это шаг на пути физического уничтожения или ментального перестроения сотен тысяч наших с вами соотечественников. Русские, остающиеся в Прибалтике, в Германии, в Англии будут или уничтожены физически, или превращены в толпу новых, полубесправных европейцев той или иной национальности — это просто факт.

Но эти русские нужны России, и потому необходимы максимальные усилия, чтобы люди вернулись на Родину. Вернулись, чтобы приложить здесь свои силы и умения, чтобы страна развивалась, осваивая саму себя. Второе следствие из этого факта: в Свердловской России предоставление жилья для семьи должно стать не бизнесом для банковских ростовщиков, выдающих ипотечные кредиты, а государственной заботой. Семья с одним ребёнком — двухкомнатная квартира; с двумя детьми — трёхкомнатная и далее по списку. Не чиновники с квартирами-студиями, а комфортное жильё для того, чтобы мы могли выполнять государственной важности задачу — плодиться и размножаться. Эту задачу должна развернуться в тщательно продуманный проект, который мы просто обязаны реализовать.

Огромная территория при скудности населения, но территория, изобилующая полезными ископаемыми — вот самое краткое описание России. И именно отсюда, из этого железобетонного факта, вытекает неизбежное, не оспариваемое следствие: на этой планете просто нет стран, чей путь может повторить Россия. Мы никогда не достигнем той плотности автодорог и железных дорог, той плотности газопроводов, ЛЭП, которая достигнута в Европе. Ни одна страна в Азии, в Африке, на любом другом континенте не простирается на восемь часовых поясов, никто не способен на полном основании заявить ничего подобного: Россия — страна, над которой в летнее время не заходит Солнце. Нет другой страны на планете, которая вмещает в себя субтропики и арктическую морозную тундру. Это не лирика, это реальность России — мандарины в Абхазии и мхи Северной Земли, проблема с летним кондиционированием и 10 месяцев отопительный сезон в Певеке. Нет больше нигде ничего подобного — вот и некому у России учиться, вот и неизбежность собственного, исключительного проекта развития. И это тоже должно быть неотъемлемой частью размышлений о пути России сквозь века: мы — особые, исключительные. Особые, исключительные не потому, что считаем себя выше всех прочих народов, а потому, что живём в условиях, которые больше нигде не существуют. Мы не Европа, не Азия, не Америка, мы — Россия. Это — данность, от которой нам никуда не деться, если мы — не коллективный Горбачёв, добившийся отпадения от России бывших союзных республик. И этой своей особости, исключительности нет никакого

наши власть предержащие называют этот абсурд конкурентной средой и прочими красивыми словами.

Возможен ли мгновенный переход от экспорта переработанного сырья к поставкам конечной продукции? Правильный ответ — нет, мы ведь в реальном мире живём, сегменты мирового рынка расхватали теми, кто пришёл в этот рынок намного раньше, кто уже вложил крайне серьёзные деньги в логистические схемы, в рекламные кампании и так далее.

Возможен другой путь конкретно для нас, для России? На мой взгляд — да, возможен, но только в том случае, если мы не будем упорно лезть на тот самый европейский рынок, где волки жрут друг друга. Да, возможен, но только в том случае, если Россия сама начнёт создавать, расширять рынки для своих товаров. Да, возможен, но только в том случае, если такую работу мы даже не будем пытаться делегировать пресловутым эффективным частным собственникам, а сделаем государственной задачей. Нет, я не против капитализма в принципе, но у нас просто нет времени на то, чтобы пройти тот же путь развития, по которому прошагал Запад. Дешёвые товары Европы — они не явились подарком судьбы, они были результатом огромной работы, которую европейцы выполняли в присущей им манере. Дешевизна — это следствие масштаба производства, европейские колонии имели право приобретать товары потребления, произведённые только в конкретной метрополии.

НА МОЙ ВЗГЛЯД, первым, кто заговорил о необходимости отказа от европоцентричности, стал, как бы кто ни удивлялся по этому поводу, президент России. В апреле этого года, проводя совещание по вопросам развития ТЭК, Владимир Путин констатировал: в среднесрочной перспективе рынок Евросоюза для наших энергетических ресурсов станет второстепенным. Специально остановлюсь на том, что Путин вёл речь именно об энергетических ресурсах, то есть о переработанных газе, нефти и угле.

Да, совершенно верно, — речь шла о той самой сырьевой игле, о которой так много и часто говорят многочисленные критики современной России. Здесь два момента. Во-первых, далеко не во времена правления Путина появилась эта проблема — первые поставки чёрного золота за рубеж у нас состоялись при Хрущёве, вскоре после проведённой им денежной

политиков, не так ли? Риск получить монопольного покупателя на Востоке у нас совершенно естественно, обусловленный географией материка Евразия — из крупных стран у нас там только Китай да Япония, причём последняя готова в любой момент уйти в прямое подчинение штатовского генерал-губернатора. Улыбки китайских политиков на встречах с российскими коллегами широки как никогда, а вот отворот левой полы китайских бизнесменов для реализации совместных проектов — куда как скромнее. Привяжем себя трубами исключительно к Китаю — квакнуть не успеем, как получим нового седока на наши многострадальные шеи. Нет, я не спорю — нам нужны и сахалинский маршрут для поставок газа в Китай, и "Сила Сибири — 2" для того же; они уже проектируются: знаменитое судно "Академик Черский" уже укладывает трубы на сахалинском шельфе. Но этого слишком мало, а о чём-то новом, дополняющем наше правительство если и думает, то явно чересчур лениво.

Почему я считаю, что сказанное в апреле Путиным — это только "А", а все прочие буквы алфавита нам стоит освоить самостоятельно? Политес, политоректорность — слов для обозначения причин предостаточно. Так уж получилось, что Россия обладает тем, что способно удовлетворить две базовые потребности любого народа, любой страны — энергетическими ресурсами и продуктами питания. Я не про урожаи пшеницы, при всей их значимости, а про то, что помогает наращивать объёмы сельскохозяйственного производства в любой точке земного шара — про удобрения и, прежде всего, про удобрения азотные.

Азотные удобрения — это аммиак, аммиак — это природный газ. Сидеть в кондиционированном помещении при свете и иметь что поесть — это про Азию, Африку, Латинскую Америку, Ближний Восток скопом, а не только про Европу.

Нет ни одной страны в мире, которой для существования, развития, роста уровня жизни не требуется гарантированный киловатт-час, крохотка хлеба и кусок мяса. И это факт, который мы обязаны использовать на всю катушку, без малейшего стеснения по этому поводу. Факт крайне важный, поскольку он позволяет справиться с проблемой, которая много лет не решалась, — мы можем добиться того, чтобы на нашем горизонте не появился призрак монопольного покупателя. Не только нефть, уголь, газ, но и удо-

Прекрасно, но кто сказал, что одним из конкурентов не может быть государство? Автор учебника "Экономика", что ли? Ну вон он, пример — за вновь отстраиваемым железным занавесом. Государства ЕС ушли из реального сектора экономики — и как вам результаты? Производство тех самых азотных удобрений за год в Европе сократилось не на проценты, а в 2,5 раза — касса свободна, причём свобода навсегда. Потому что газ в России в 30–40 раз дешевле, чем в Европе. Имеем мы право не воспользоваться таким моментом и не договориться с Ираном, который № 2 в мире по запасам газа, как именно расписать мировой рынок на двоих? Нет, не имеем — потомки не простят, а нам эти рынки и деньги с них нужны для того, чтобы продолжать выполнять задачу № 0 — плодиться и размножаться.

Новые производства — новые рабочие места — новые возможности для того, чтобы создавать подрастающее поколение. И это тот самый асимметричный ответ: наращивать не только экспорт энергетического сырья по новым маршрутам новым потребителям, но и более маржинальную продукцию, приносящую больше денег, позволяющую развивать производство в самой России. Экспорт не миллиардов кубометров газа, а миллионов тонн удобрений — это ещё и дешевле с точки зрения логистики, морских судов меньше потребуется. Со всем недавно Россия отменила профессиональный праздник — работников нефтяной и газовой отрасли, а вот такой подход позволит сделать праздник более широким, более масштабным, поскольку таких специалистов станет больше. Почему? На территории нашей страны есть немалое количество углеводородных месторождений, относящихся к категории ТриЗ — трудноизвлекаемые запасы. Их открывали и в советские времена, и сейчас: газ и нефть в них имеются, но нелигитимствующие технологии и биржевые котировки делают их разработку нерентабельной. Добыть можно, но продажа добытого газа или нефти как сырьевых ресурсов эту добычу просто не окупит, и по этим причинам целый ряд месторождений не разрабатывается уже десятки лет. Но в том случае, если углеводороды из разряда ТриЗ будут отпирать в переработку, ситуация изменится кардинальным образом в силу того самого 30–40 кратного выигрыша перед теми же европейскими ценами на нефть и газ. Не рентабельно добывать и пнать на продажу нефть Баженовской свиты, которую

нологий, как в случае с тем же СПГ, причём зависимости как у нас, так и у потенциальных покупателей. Прототип же СПГ сейчас пшущ все, кому не лень, но как-то не замечают при этом, что СПГ покупают всего 42 государства в мире. Почему? Нет своих регазификационных терминалов, нет своих хранилищ, не создана трубопроводная распределительная сеть. Почему? Денег нет, специалистов нет, ничего нет. Вносить удобрения в землю для того, чтобы урожаи выше стали, — смогут: Склад в порту — смогут, а дальше хоть машинами, хоть тачками растащат. И таких стран — в два раза больше, и население там растёт. Можем предоставить? Да не можем, а обязаны — больше ведь никто по приемлемым ценам этого сделать не способен. Обязаны — потому, что это обеспечит тот самый рост сферы влияния. Я не буду про военные характеристики такой сферы — об этом пусть говорят специалисты, но без гражданской составляющей стены у сферы будут так себе. "Россия, дай прест!" — вполне нормальный лозунг для сотни стран, испытывающих проблемы с продовольствием для своего населения. Нет, такой подход не значит, что нам нужно отказываться от разработки и создания наших собственных технологий, связанных с СПГ, — это тоже нужно, но стоит определить с порядковыми номерами при реализации наших планов.

Удобрения — это проще нам и проще потенциальным покупателям, которых в разы больше, чем потенциальных покупателей СПГ, — значит, с этого и нужно начинать. И автоматически вытекает следующая задача: связанность с теми, с кем Россия предостит расширять сотрудничество. Эти страны — на других континентах и в тех частях Евразии, до которых мы можем добраться только через моря и океаны. В 2014 году дефицит торговых судов всех типов в России составлял 600 штук, и эта цифра не изменилась. Мы везём свою нефть на чужих судах, мы везём свой уголь на чужих судах, мы везём свой лес на чужих судах.

Да, в этом году Россия заработает на нефти раза в три больше, чем в 2021-м, но есть и другая статистика: компании-судовладельцы Кипра и Греции, владеющие самыми большими флотами нефтяных танкеров, тоже заработают в три раза больше. Они просто подняли тарифы — мол, мы очень рады поработать, но за наш риск попасть под вторичные санкции вам, дорогие россияне, придётся доплатить. Ровно такая же картина будет и у наших угольщиков, которые тоже вынуждены будут обеспечивать рост прибылей зарубежных компаниям. И группа G7, мечтающая о введении некоего потолка цен для российской нефти, тоже будет пытаться бить в это слабое место — в отсутствие у России собственного торгового флота. И как с этим бороться? Да только одним методом: Россия, страна трёх океанов и одиннадцати морей, обязана стать центром сначала своего собственного, а потом и мирового судостроения.

Моя Свердловская Россия — это страна, умеющая и любящая строить суда всех марок и всех размеров: для морей тропических и арктических, работающие на дизельном топливе, на метаноле, на СПГ, на атомной энергии. Мечты о том, что против санкций Россия выстоит усилиями малого и среднего бизнеса, — это для слабых разумом и памятью; в нашей истории ещё не было случая, когда лавочник спас бы Россию. ИТ-отрасль, какие-то там искусственные интеллекты и прочие благоттупности — это украшение на фасаде, фасад первичен. Морские суда — это не только сталь корпусов, это двигателестроение, приборостроение, это рост спроса на группировку спутников.

С 2009 года Россия строит ровно одну крупную верфь — в Большом Камне рядом с Владивостоком. Стром-строим — не построим; позорище просто вселенского масштаба. Строят китайские компании, потому как ФАС и прочая либеральная рать против того, чтобы государство для строительства государственного объекта создавало государственную строительную компанию. Эффективный частный собственник строит ещё и три завода разом в Усть-Луге — СПГ, газоперерабатывающий и газохимический. Заглядывали туда? Турки, китайцы, узбеки — полный интернационал. Так выгодно эффективному частному собственнику. А России выгодно строить самой. Строить не только заводы, но и всё необходимое для того, чтобы будущие работники жили в нормальных условиях. Города Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны создавались для того, чтобы было где строить необходимые для защиты рубежей боевые корабли. Владивосток, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре — вот это и есть плацдармы для моей Свердловской России — страны судостроения.

Моя Свердловская Россия — страна, которая и не думает стесняться того, что для Евразии она была, есть и остаётся Хартлэндом, сердцем материка. Поэтому моя Свердловская Россия восстановит Южно-Кавказскую железную дорогу, чтобы восстановить былую связь трёх империй — Российской, Персидской и Османской. Моя Свердловская Россия достроит и начнёт в полный рост эксплуатировать железную дорогу из Ирана через Азербайджан, чтобы индийские паромы таскали индийские товары для Европы и европейские — для Индии. Моя Свердловская Россия ворвалась в проект века, предложенный президентом Узбекистана — проект железной дороги нашей имперской колеи 1520 от Термеза через Кабул в Пакистан и дальше, в Бангладеш и в Индию. Моя Свердловская Россия не слушает словеса Сергея Лаврова, ждущего появления в Афганистане некоего инклинговского правительства — простите, я не знаю ни одной страны на планете, где существует такое чудо из чудес. Может, у Лиз Трасс спросить? Афганистан способен стать перекрёстком континентальных железнодорожных супертрасс — с севера на юг и с запада на восток, из России до Цейлона и от Тегерана до Пекина. Моя Свердловская Россия не упустила возможность стать мотором и мозговым центром этого проекта, стала неотъемлемой частью новых караванных троп XXI и XXII веков. Моя Свердловская Россия не слушает стенания Министерства развития Дальнего Востока и Арктики о том, что БАМ и Транссиб не справляются с потоками грузов — моя Свердловская Россия вообще стоять не намерена. Северный широтный ход выводит Свердловскую железную дорогу к Ямбургу — порту в Обской губе. Моя Свердловская Россия построила Северный широтный ход — 2, который выводит железную дорогу страны к федеральному порту Сабетта. По этим двум дорогам идут наши грузы — вперёд и вверх, к нашему СМП, а БАМ с Транссибом — это для нас пассажиры и для транзита Азия — Европа и обратно. Моя Свердловская Россия вспомнила, почему наши сибирские реки названы великими — по ним снова идут речные суда, расширяя товарные потоки, усиливая возможности наших железных дорог. Моя Свердловская Россия перестала продавать миллионы тонн СПГ и энергетического угля — она умеет строить плавучие электростанции на обоих ресурсах, которые востребованы по всему миру, за исключением, разумеется, Европы и прочих прихлебателей США. Не строить самим, тратя миллиарды денег и годы усилий, а заказывать у России плавучие электростанции — у России это получается дешевле, поскольку строятся они на заводах, да ещё и поточным методом. Не миллионы тонн сырья, а киловатт-часы, — это экспорт конечной продукции энергетики, это стабильность и отсутствие зависимости от спекулятивных биржевых цен.

Конечно, я могу продолжать и дальше — о том, что в Свердловской России геология снова стала основой выстраивания планов развития для новых и новых территориально-производственных комплексов. О том, что Свердловская Россия опамптовалась и вспомнила, что наши с вами леса — это возобновляемый ресурс, востребованный во всех концах планеты, научилась свои леса регулировать и использовать себе и другим на пользу. О том, что Свердловская Россия перестала бояться самостоятельности своих же муниципалитетов, позволила городам и даже посёлкам стать участниками экономической жизни, что и сделало нашу экономику действительно конкурентной, а не спекулятивной и не живущей по принципу "выкачал — продал". Но самое главное, что произошло в моей Свердловской России, то, что она отменила судру придуманный для себя запрет на собственную государственную идеологию. Только после этого мы с вами, а не сторонние дяди с тётками, сможем определять, куда мычаться тройке-Руси. Конференция стала первым шагом, первой попыткой осмыслить нашу исключительность, нашу особость, и это — начало большого пути.

Иллюстрация: «Небо Севера», художник Игорь Кожевников

Борис МАРЦИНКЕВИЧ

МОЯ СВЕРДЛОВСКАЯ РОССИЯ

Такая ты будешь

брения (азотные, фосфорные, калийные) — вот основа для создания и расширения нашей собственной сферы влияния. Почему я не верю в то, что с такой работой справится частный собственник? Да потому, что это игра вдолгую, — ни один из перечисленных рынков не является настоящим платёжеспособным, каким до последнего времени был рынок Евросоюза. Нас ждёт эпоха сделок сполвоных, бартерных и тому подобного, а это не то, что нравится частным собственникам, которые работают на прибыль здесь и сейчас. У нас в правительстве есть министр развития Дальнего Востока и Арктики Алексей Чекунков, который в своей недавней статье для РБК высказал мечту о появлении нового российского предпринимателя — заинтересованного в долгосрочных проектах, видящего перспективу на несколько поколений вперёд. Здорово, конечно, вот только такой частный предприниматель — это брат-близнец западного инвестора, который приходит в наши необжитые регионы для того, чтобы строить там теплоцентрали, дороги, дома, шахты и заводы. Прекрасные братаны, вот только есть одна проблема — их не существует. Хочется оставаться капиталистической страной? Да не проблема: создавайте государственные компании, а после того, как их бизнес будет развёрнут на полную мощность, — отдавайте на приватизацию. Но это как-нибудь потом — нельзя думать о конкурентном рынке в тот момент, когда России требуется создание новых отраслей экономики. Создайте, запатентуйте все необходимые технологии в государственной собственности, и только потом приглашайте частных для масштабирования новых производств, и вот эти частники пусть и строят конкурентную среду. Сначала — кости, потом — мясо, сначала — создать отрасль со всеми необходимыми технологиями за счёт усилий всего государственного организма, и только потом — конкуренция и прочее. Мы не имеем права долго заигрывать — ехать пора.

ОТКАЗЫВАЯСЬ от европоцентричности, мы не обязаны понимать, что остаёмся в компании стран, которые отнесены к рангу развивающихся. Развивающихся, но по европейским лекалам — это что-то из разряда горячего льда, жидкого огня и салогов всмятку, поскольку эти лекала в принципе не предусматривают развития. А наша с вами вынужденная экспортная ориентированность требует того, чтобы страны, куда мы собираемся экспортировать, были платёжеспособны, чтобы их покупательная способность обеспечивала нас с вами развитие. База для такого роста — энергетика и продукты питания, и оба эти инструмента у нас в руках имеются, а потому руки тек, кто пытается у нас эти инструменты отобрать, надо вырывать из плеч.

Да, централизация и концентрация инструментов развития в вертикально интегрированных государственных компаниях. Да, долгосрочное планирование. И нет нужды пугаться этих слов — нам с ними жить. Почему? Да всё по той же причине: у нас слишком маленькое население. Конкуренция — там, где народу много, а территории — мало. Конкуренция способна обеспечить развитие Лихтенштейна, но собрать весь тот Лихтенштейн и закинуть куда-нибудь на Камчатку с Чукоткой — так разве что тамошние медведи заметят, что у них рацион стал обильнее, не более того.

РЖД на конкурентной основе расширяет Восточный полигон, результат мы видим — уже на три года опаздывает, и никаких перспектив на изменение ситуации не видно. А рядышком, по той же тайге, через те же реки и сопки Транссиб протянул магистраль Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО-2) с опережением графика на 10 лет.

Или ещё из совсем недавней нашей с вами истории: в начале нулевых Газпром наизнаучу вывернулсь, чтобы получить контрольный пакет акций в СИБУРе. У переработки природного газа есть несколько этапов. Нулевой — подготовка газа, добытого на месторождении, к транспортировке по трубопроводу. Первый — фракционирование добытого и доставленного, чтобы получить отдельно метан, этан, пропан с бутаном и прочее. Второй — чтобы произвести полиэтилены с полипропиленами. Третий — произвести из них уже конечные изделия. Так вот Газпром — это нулевой этап и этап № 1, а дальше у нас СИБУР. История с получением контроля над этим концерном ждёт своего писателя — сюжет был захватывающим, с поддельными письмами, чёрными pistolетами и прочим. Но так или иначе — сделали. Но тут же получили распоряжение президента Медведева о необходимости избавиться от "непродуктивных активов". И что, Россия сильно выиграла от этого? Безусловно, выиграла, но не сильно, — СИБУР успешно развивается, вот только: а) технологии для своих новых заводов он всё так же импортирует и б) конечную продукцию старался реализовать на том самом европейском рынке, поскольку тут максимально соблюдалась платёжная дисциплина. Выгода для Государства Российского есть — налоги, рабочие места, СИБУР охотно вкладывается в развитие уровня жизни во всех местах своего присутствия. Это хорошо. Но мало.

Что я предлагаю? Нет, не национализировать СИБУР — тут уж "умерла, так умерла". Но у нас только на Ямале — 27 трлн кубометров доказанных запасов природного газа, не говоря уже о шельфе наших северных морей. Ждать, когда СИБУР вырастет настолько, чтобы прийти и на новые месторождения или те самые сверхходы за экспорт энергоресурсов использовать для того, чтобы в этот сектор экономики пришло государство? На мой взгляд, вопрос сугубо риторический. Хотим конкурентную среду?

смысла стесняться — так устроена наша с вами планета, так устроена наша с вами Россия.

Неизбежное следствие огромности территории и недостаточности населения — необходимость экспортной направленности нашей с вами экономики. Собственно, подспудное понимание этого укоренилось в головах наших правителей ещё полсотни лет тому назад — именно тогда начали формироваться огромные потоки наших ресурсов за пределы России.

Куда потоки шли и идут даже в настоящее время? Правильно — в Европу, на самый платёжеспособный рынок, да ещё и находящийся в шаговой доступности. Год назад у нас появился список недружественных стран, но как-то при этом нам недосуд было заметить, что 2/3 нашего экспорта было направлено внутрь этого списка. Хорошо это или плохо? Было бы хорошо, если бы не существовал один статистический казус: в списке экспортных товаров — около 500 наименований, зато в списке товаров импортируемых — 20 тысяч наименований товаров. Разница не просто значительная, а колоссальная.

На этой чудовищной диспропорции — вывезли нефть, ввезли полиэтиленовые пакеты с "Монтажной" — у нас на глазах сломаги Советскую власть. Мы хихикали над этим, но не замечали, что и после 1991 года этот странный алгоритм никуда не исчез, а ещё и приумножился. Ставим галочку — подобного рода диспропорция недопустима, это Зло с большой буквы. Экспортируя переработанное сырьё, Россия обязана полученную выручку использовать не для того, чтобы покупать за рубежом модные штаны наиболее вероятного противника, а для того, чтобы вкладывать эту выручку в создание, в развитие собственных технологий, в свою собственную инфраструктурную связанность, в создание новых очагов нашей цивилизации на наших бескрайних просторах. Квинтэссенция такого подхода очевиднее всего именно сейчас: в силу того, что внутри России цены на природный газ регулирует государство, наши предприятия газопереработки получают сырьё по ценам в 40 раз ниже, чем их коллеги по ремеслу в Европе, но конечные изделия из газохимии мы как завозили, так и завозим. Налоговая система в России построена так, что импортируемые товары зачастую оказываются дешевле, чем произведённые у нас, а

реформы. Первые трубопроводы в Европу — это середина 70-х, названия, надеюсь, многие помнят: нефтепровод "Дружба", газовая магистраль Уренгой — Помары — Ужгород. Желаете критиковать? Правильно делаете, но тогда уж будьте добры вспомнить все фамилии, не ограничивая себя только Путиными: Хрущёв, Брежнев, Андропов с Черненко и Горбачёв с Ельциным до кучи. Второй момент — у кого что болит, тот о том и говорит, — это я о том, что налоги, сборы, пошлины, собираемые при экспорте энергетического сырья, обеспечивают при нынешних ценах не менее половины доходов нашего государственного бюджета, не говоря уже о количестве рабочих мест, о заказах смежникам и прочем. Ничего удивительного в том, что президент России с таким вниманием относится именно к ТЭКУ, я не вижу. Вот только когда дело доходит до конкретных цифр и дат, ситуация становится куда как менее умилительной: Россия выставила против западных санкций, всё у нас в полном порядке, мы всех победим, закидаем шапками и валенками. Было бы хорошо, кабы было именно так. Среднесрочный период в энергетической отрасли — это 7–8 лет — первое соображение. Второе: в течение прошлого 2021 года, когда отношение ещё можно было считать условно нормальным, в ЕС было поставлено 150 млрд кубометров природного газа, 140 млн тонн сырой нефти, 70 млн тонн нефтепродуктов и 50 млн тонн угля энергетических марок. На то, чтобы создать инфраструктуру, способную справиться вот с такими реками экспорта, у СССР и у России ушло 50 лет. Такая роскоши — спойкой жизни на протяжении полувека, у нас просто нет — это раз. Два — если мы говорим об экспорте в регион Юго-Восточной Азии, нам и полувека не хватит, поскольку расстояния в Сибири и на Дальнем Востоке куда как серьёзнее, чем на европейской части нашей территории. Третий момент, тоже важный. Наши проблемы с привычным рынком сбыта, с Европой, возникли ещё и от того, что мы ничего не могли и не смогли противопоставить централизации ЕС. Итог этого процесса централизации — то, что наши экспортные компании по собственному счёту имеют дело не с множеством, а с единственным, монопольным покупателем. Утрирую, конечно, но все ведь видят, насколько покорно даже самые мощные европейские компании выполняют любые хотелки своих